

ЛИНГВИСТИКА

В.А. Кутырев

ЯЗЫК ТЕЛА: ОТ КРИКА К ТИШИНЕ

Аннотация. В теоретической сфере начались диверсии против парадигмальной роли языка в моделировании мира. Почему и куда они ведут? Ответ требует обновления взглядов на историю языка. Выявляются-конструируются этапы его развития: от речи и рукопись/ма, через печать-текст к ситуации смерти языка (и) человека в письме-исчислении. Последнее — структурно-лингвистическая катастрофа. Это отказ от языка как носителя смысла и переход к цифровой онтологии. Грамматология — предтеча поворота от человеческого сознания к искусственному интеллекту. Мир вступает в эпоху трансмодерна. Его прогрессивистской перспективой становится состояние матрицы или «слипания» в точку. Для сохранения человеческой реальности нужны экология языка и консервативный поворот к философия сопротивления.

Ключевые слова: филология, язык, слово, человек, печать, текст, письмо, грамматология, исчисление, коммуникация, дигитализм.

1. Высокий взлет и (при)знаки падения

XX в. в сфере знания — время конца мира субстратов, вещей, сущностей и перехода к миру отношений, функций и системо-структур. В собственно философии время вытеснения онтологии субстанциализма гносеологическим трансцендентализмом и априоризмом. Все явления и вещи превратились в узлы пересечения отношений. Качественно несоизмеримые виды бытия, включая оппозицию материи и духа, стали отличаться друг от друга не более чем по уровню организации. Стали соизмеримыми и, следовательно, количественно выразимыми, в исследовательской перспективе — транс(дисциплинарными). В теоретическом мышлении произошел антисубстанциалистский структурный поворот, который правомерно считать предтечей информационной революции.

Однако живой, чувственный мир не сразу или не до конца улавливает(л)ся абстрактными структурами. Тогда на помощь познанию пришло обращение к языку. Это естественная структура, изначально используемая человеком для овладения реальностью. Именно он(а) формирует картину мира. Еще чувственную, но уже организованную мыслью. Мир не только выявляется, но и конструируется. «Конструруется». Соответственно, в познании язык, занимая место природы, становится главным объектом и одновременно инструментом исследования. Апофеозом здесь можно считать взгляды Витгенштейна, предложившего рассматривать любую

философию как аналитику языка. Любую, везде и всегда. Тем более в гуманитарных дисциплинах. На доказательстве универсальности языка, когда вещи, да и сам человек представляются «пересечением языковых практик», передовые гуманитарии XX в. истёрли все свои языки. Великие языки. Тезис, что мир — это отношения и язык, язык — «наше все», приобрел статус непреложной истины.

Структурно-лингвистический поворот похоронил метафизику, хотя, разумеется, ее пережитки, их носители в философии и филологии, шире, в культуре — остались. Продолжая коснеть в своем субстанциализме, реализме, антропологизме, историзме и прочих «квалиа», они, выговаривая себе право на параллельное существование, тем не менее, не осмеливались оспаривать первичность языка, критиковать его глобальную экспансию.

Но... ничто не вечно под солнцем. Угроза языку пришла неожиданная, с противоположной стороны. Во второй половине XX в. мир вступил в эпоху постмодерна, философским выражением которой стал постструктурализм. Постструктурализм, не означая реванша вещности и отказа от структур, «снял» их, преодолев синхроническую ограниченность, введя в отношения время (синергетика), а в отношении метафизики, наоборот, еще более углубил борьбу с ней, доведя антисубстанциализм до логического конца — изгнания из самого мышления: удалили субъекта. Первоначальная форма постструктурализма — деконструкция. Сначала направленная на метафизику бытия (анти-тео-онто-этно-фоно-фаллоцентризм), она завершается анти-лого(с)

центризмом, т.е. лишением статуса бытия человеческого сознания. Смерть автора, субъекта, в конце концов, человека, как носителей логоса для постмодернистской идеологии медицинский факт. Но язык до сих пор остается в стороне. Человек (субъект) умер, а его язык будто бы живой, логос (сознание) дискредитируется, а будто бы не имеет к языку отношения. Распространение текстуализма не оценивается как начало подрыва языка. Ж. Деррида выдвинул новую программу моделирования мира посредством «письма», объявив его «архе», первичным по отношению к слову и речи. Ее пересказывают и восхваляют, не соотнося с тем, что она направлена на окончательное преодоление языка. До сих пор не осознано, что это его смертельный враг. Как и человека. Идея постлингвизма пробивается с трудом, слишком долго языковая картина мира, анализ языка были олицетворением прогресса, символом последнего слова в гуманитаристике. Для подавляющего большинства ее философствующих и филологических представителей так и остается.

Но крот истории копают, двигаясь из глубин бытия вверх, к «концу», в область, на свою погибель, чистого, больше не обусловленного никаким чувственным субстратом разума. И добрался до (кто бы мог подумать!) языка, как парадигмы нашего познания. Посягая на великое и подрывая безупречную теоретическую репутацию языковой парадигмы, он стал подрывать ее жизненную силу. Пошли разговоры о «признаках увядания традиционной сигнальной системы» и «конце библейского проекта». В искусстве художественной задачей концептуализма стал «выход из плена языка». Священную корову начали атаковать, как часто бывает, изнутри — ее предатели, филологи, число которых растет, грозя превратиться в толпу. Она пополняется дилетантами извне (новации быстрее всего воспринимают люди поверхностного ума). В качестве последнего слова о языке культивируются странные выкладки типа: «чем ниже умственное развитие человека, тем его картина ближе к языковой; и наоборот, чем выше умственное развитие человека, тем его картина мира дальше отстоит от языковой»¹. Вброшена идея некоего «антиязыка», о содержании такового, правда, кроме того, что «это совокупность классов антислов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка», ничего вразумительного ее пропагандисты сказать не могут, даже словами². Пишущий эти строки автор тоже внес лепту в подрыв влияния языковой философии, объявив, без развернутых

доказательств, что «произошла структурно-лингвистическая катастрофа: смерть языка и индивида»³. И наконец, феномен, который не спишешь на эпатаж дилетантов: в филологии структурную лингвистику почти вытеснила лингвистика когнитивная. А «когнитивность», если к этому слову относиться всерьез, означает формализуемость, математизацию, информатизацию. Вряд ли при таком подходе язык-слово будет чувствовать себя уютно. «Когнитивная лингвистика» — не оксюморон ли это? Вопрос(ы), на который(е), не претендуя на собственно лингвистический анализ, мы будем пытаться отвечать, рассматривая отношения человека и языка.

2. Язык т(ч)еловека: речь-рукопись/мо

Язык, я-зык, зычить, я-зык, я-звук, звучать. Горло, говорить, орить, орать. До того как язык стал Словом, которое было «в Начале», а потом любой коммуникацией, которая стала «ВсеМ», «в начале был Звук». К-рик, рык, ры(е)чание. *Голос*: вой, стон, рев и т.п.

Он превратился в человеческий, когда принял форму несущей смысл речи, из-вещавшей о состоянии мира или того, кто прежде ревел, выл, стонал и кричал. Форму со-обще-ния. Возник Человек, мыслящее животное. И язык — в базовом смысле этого слова, как звучание, артикулированное смыслом. Тожество и различие из звуков, комплексы звуков, фонема. Как от(вы)ражение разделения окружающей реальности и своих переживаний на вещи и отношение к ним. С криком и из крика, подавляя, отгесняя его «вниз», остаточной превращая в интонацию и между(о)метия, из голоса возникло Слово. Организованная связь фонем. Вы-сказы-вания. Речь. *Человек говорящий*.

Человек и кто говорит — сотни тысяч лет было одно и то же. Верно и наоборот: кто говорит, тот и человек. Определение сущности человека по труду или сознанию есть теоретизация. Феноменологически, «для глаза» люди отличались от прочих существ по внешнему облику, а для слуха по владению словом. При встречах с дикарями первым определителем их человеческого статуса была речь как звучащее слово. Да что с дикарями: «Слово, — определяет В.И. Даль, — способность человека выражать гласно мысли и чувства свои». Тысячи лет слово было живым. Слова, крики, пение-говорение: (что вижу, то и пою) — это форма бытия, переживание мира, непосредственное отношение к нему. Язык = голос, речь. Логос = смысл, слово. *Человек мыслящий*.

Первоначальный логос не сводился к логике, мышлению или «установлению коммуникации с другими

¹ Блох М.Я. Язык и мир // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4. С. 115-116.

² Нилюгов А.С. Философия – это сплошной ressentiment // Кто сегодня делает философию в России. М., 2007. С. 175.

³ Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 74.

людьми», как стали трактовать позднее. Он был «телесным». В языке-речи-логосе человек проявляется как целостное, не только рациональное, но чувствующее, желающее существо, с душой и волей. Кроме очевидной этничности, слова имеют пол, они мужского или женского рода, возраст, молодые или старые, передают настроение, красивые или вульгарные, злые или добрые. Словом-проклятием лишали жизни, убивали человека буквально.

К живому логосу можно отнести все способы непосредственного сообщения людей о мире и своем положении в нем. Прежде всего состояние тела, позу и поведение. По статусу они похожи на крик, общий людям со всеми животными. Собственно человеческое, отличное от животных поведение и поза выражаются в жестикеляции. Жест — намеренное движение тела, оно, как и слово, артикулировано смыслом. Язык жестов не голос, но им «говорят», он не звуковой, а «видовой», отсюда его пространственная ограниченность в передаче своего состояния другому, тем не менее, это орган чувств и мысли, присущий только человеку. Животные не делают «жестов», также как не говорят. Жесты — тоже логос. Они тоже продукт культуры, имеют пол, национальность, возраст. Ими можно унижить, оскорбить. В обоих случаях главный признак языка и как живого слова, и как жеста — непосредственная связь с телесностью, их включенность в бытие человека «здесь и теперь». В греческих евангелиях Логосом именуется вопло(ть)щенный Бог. *Христологос*.

Существование языка как звучания, (из)уст-ного слова и телесного жеста, рассуждая формально-логически, длилось до появления письма. Письмо — руко-пись, «ручное слово» означает, что смысл научились выражать не только позой, в звуке, но и графически. В дополнение к звуку. В реальной истории они существ(овали)уют вместе и сейчас. Письмо — одежда речи. После ночного первобытного сна цивилизованные люди од(н)еваются. С другой стороны, все что написано, долго читалось вслух. При обучении грамоте, ребенка буквально до последнего времени с трудом отучали от шептания. Писать в молчании, читать «про себя» — это высший уровень овладения грамотой. Буквы также проговаривались как слово, «полностью»: аз, буки, веди, глаголь, добро... Став абстрактными знаками, они продолжают нести отпечаток звучания: «Звуки на «а» широки и просторны, звуки на «и» высоки и проворны, звуки на «у» как пустая труба» (© Д. Бурлюк). Язык отождествляется с речью, «пароле», жестами, или в целом, телесная речь рассматривается как его суть до тех пор, пока он считался «непосредственным посредником» между человеком и миром. *Был т(ч)еловеческим*.

Кроме проговаривания, буквы при обучении письму долго сопровождалась рисунками наиболее распро-

страненных предметов, названия которых начинаются с данной буквы. Иллюстрировались слоги, слова, фразы. Детское чтение, наряду с буквами, «по определению», предполагает картинный ряд. Для облегчения восприятия смысла взрослыми, с некоторых пор возникли комиксы, своего рода феномен неoarхаической деградации языка. Это говорит о родстве «звукового письма» с идеографией, рисунками и иероглифами, второй могучей ветвью в развитии языка. В лингвистической философии их часто против(со)поставляют, для чего есть веские культурно-исторические основания. Но именно культурно-исторические, инструментальные, а не сущностные, не субстанциальные. Их природа все-таки едина. Это подтверждается тем, что иероглифическое письмо постепенно трансформировалось от рисунков к знакам. Если, например, китайские иероглифы сохраняют сходство с обозначаемым предметом, то в заимствовавшей их японской письменности, они приближаются к абстрактным буквам. Идеографика противостоит «языку рта», но в едином континууме телесной речи. Все это «ручной труд/язык».

Однако, хотя слово-голос, руко/письмо и графика обуславливают друг друга, в их целостности всегда был зазор, трещина. Которая, в ходе развития хозяйства, требовавшего усиления роли письма, стал(а) расширяться через отчуждение языка от человека. Потому что написанное способно жить собственной жизнью. Слово тоже, «вылетит, не поймаешь», но создатель письма уже намеренно отправляет его в будущее. И эти словесные «консервы» хранятся неопределенно долго. Сразу или через некоторое время ими может воспользоваться сам автор, другие их потребители, иногда в течение и после многих веков. (По)явление письменности имело рубежное значение для превращения человеческих отношений из непосредственных в вещные, формирования из общин общества, победы культуры над природой и становления единой истории человечества. В настоящее время трещина между звуковым и письменным языком расплывается до разлома, пропасти, на одной стороне которой остается человек, а на другой — язык. Первый теряет вербальное слово, все больше ограничивающееся сферой быта, второй обретает самостоятельное бытие, самоубийственно трансформируясь в нечто иное.

Эта разверзающаяся пропасть результат возрастания сложности и экономической эффективности социально-исторического развития. Существование языка «т(ч)еловека» в виде звуковой и жестовой речи, а также нарисованных знаков является атрибутом традиционных обществ. Длилось оно, если всю человеческую историю принять за сутки, 23 часа (условный образ, не статистика). Многие короли Средневековой Европы едва умели поставить подпись под указом, а

около половины человечества и в настоящее время, в свой последний час, не умеет писать. Кульбиты, которые проделывал Ж. Деррида, чтобы обосновать первичность письма перед речью и рукопись-мом являются ярким примером того, что факты для теоретика, при его сильном желании, особенно с благословения соответствующей (постмодернистской) идеологии, не играют никакой роли (подлинный смысл концепции «письма до письма» мы покажем далее, это одна из целей нашей статьи). Однако развитие процесс нелинейный, состоит из многих накладывающихся друг на друга, перев(л)ивающихся потоков. *Бесписьменное время продолжается до сих пор, и в то же время оно осталось в истории — преодолено. Verba volant, scripta manent*⁴. Решающим фактором здесь стало появление книгопечатания как индустриальной формы письма⁵.

3. Язык без человека: печать-текст

Печатный станок изобретен в XV в., но в сущностном смысле печатная книга феномен Нового времени. Как фабричное производство и массовый продукт вместо натурального хозяйства и кустарного труда. В отличие от рукописи, которая согрета дыханием и пахнет создателем, в печатной книге он отражается условно, мысленно, «указывается». Ничего чувственного их не соединяет. Книга не рождается и не размножается, а множится и распространяется. «Тиражируется». Если руко/письмо — это язык, потерявший фоноцентричность, переставший быть голосом, то печать — это письмо, переставшее быть эмпириоцентричным, потерявшее связь с телесностью автора. Благодаря печати возникает особый, не существовавший ранее в мире способ материализации духа, неорганическая форма его бытия. Не в вещах, как было прежде, а на самостоятельной основе. Возникает новый физический носитель духа, притом, что автор, его живой прототип, в нем умирает. Но все-таки «как бы умирает». Не вообще, а как конкретный индивид, и пока «клинически». Потому что в принципе, в какой-то момент он может ожить, озвучить печатное слово, удостоверить его автографом: «сам писал». Для полной, смысловой смерти и «бесчеловеческого» функционирования языка надо (было) дойти до расширенного понимания книги, которое, в дальнейшем привело ее (обычное коварство диалектического развития) к самоотрицанию.

Естественно полагать, что идея несводимости языка к контактному общению индивидов, к «автору», возни-

кала в результате расширения связей между народами и росту знаний. В философии впервые она была высказана Декартом, особенно отчетливо Лейбницем. Потому что язык, превратившийся в письмо, потом в распространяющуюся по всему миру печать, преодолевает пространство и время, приобретая всепроникающий характер. Глобализуется. Это внешне, экстенсивно. Но и внутренне, в сознании людей он начинает представлять не только как способ жизни, орудие мышления и общения, а как некое состояние реальности или, по крайней мере, свойство бытия. Сущностное. Первичен разным образом воплощающий мысль язык, остальное — видимость. Данный процесс, нарастая, развертывался в течение всего Нового времени, его пик влияния приходится на его конец и наступление «Новейшего», назвавшего потом себя эпохой постмодерна. Это состояние, когда в теоретической трактовке мира язык стал всем, а гора книг достигла высоты Эвереста.

Достигла и... вдруг, будто в результате землетрясения, по историческим меркам внезапно (так и сейчас, в нашей статье), она начинает рассыпаться, язык, «наше все» — терять значение. Особенно в современной научной практике. Эта потеря по-настоящему не оценена, хотя библиотеки на глазах пустеют, место письменных столов и книжных полок в квартирах занимает разного рода аппаратура. Хотя бесписьменных людей на Земле миллиарды, а пишут и читают миллионы, книга, рукопись/мо, а вслед за ними и дописьменный вербальный язык, в качестве способа общения утрачивают перспективу. *До(бес)письменное время, руко-пись/мо и книга, существуя до сих пор, в то же время остаются в истории — преодолены.* Перестали быть «прогрессивными», уходят в традицию. Вместо них, на их основе, оторвавшись от человека как родового существа, теряя связь с ним, возникает некая самоценная «система знаков». Как реальность. *Реальность текста.* Перерождаясь, язык становится текстом. Языковый, структурно-лингвистический поворот облекается в форму текстуального. С одной стороны, язык продолжается, а с другой, он(а) его «снимает».

Текст тоже язык, но как сухое молоко или винный порошок в сравнении с вином и молоком, он нечто особое, о-без-жизненное, со всеми вытекающими отсюда потерями и преимуществами для распространения. Возгонка языка в текст, омертвляя его, одновременно делает универсальным. Если эмпирически мыслимый язык, пусть всеобщий, невольно заставляет нас вспомнить о человеке, то текст избавлен от последнего на всех уровнях. У текста как бы один автор и потому нет конкретных авторов. Он тоже книга, но разросшаяся до Библи(и)отеки, описывающей весь мир. *Вместо мира,* в котором больше нет необходимости. Текст не «вещь»

⁴ Слова улетают, написанное остается (лат.).

⁵ Разумеется, мы не намерены пересказывать историю книжного дела или содержание книги М. Маклюэна «Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего». (М., 2005).

и не отражение чего-либо. Он бессубстратен, включая наиболее абстрактную форму субстратности — пространство. Это реальность как чистая среда чистых отношений. Вселенная текста просторна и однородна. Кругом знаки, знаки, знаки. Вещи? Это «неудачное наименование знака». Человек, личность? Это «самointerпретирующийся текст». «*There is nothing outside of the text*» (вне текста ничего нет) — вот альфа и омега текстологии.

Разумеется, представления о тексте менялись. В начале он был действительно приравнен к реальности «абстрактная книга», многомерный язык-структура. Некий гуманитарный аналог будущей информационной картины мира — «гуманитарный информатизм». Подобно информации, которая до изобретения компьютеров и интернета рассматривалась как «информация о» (чём-то), текст первоначально тоже представал как высшее выражение структурно-лингвистического подхода. Без времени и динамики. И пока он был в качестве «большой книги», «всемирной библиотеки», устойчиво организованной системы знаков, хотя бы и без означающего, говорить о «текстуалистском повороте» как принципиально новом этапе в развитии человеческой ментальности вряд ли оправдано. Это событие надо связывать с возникновением *пост*структурализма, в контексте которого представления о тексте стали напоминать нечто иное, в сравнении не только со звукографическим, но и печатным способом существования языка. Появляются понятия «мягкого текста», гипертекста, интертекста. Текстология становится переходной формой опять к «письму», хотя не рукописному и не индустриальному, а другому. Постиндустриальному. Какому, если определеннее? Иноформационному. Какому, если конкретизировать? (Приближаясь к ответу на этот вопрос, *пост*структуралистскую текстологию лучше (будем) называть текстуализмом).

Возникновение собственно текстуализма, его отличие от предшествующего метафизического философствования, а потом и структурализма отчетливо зафиксировал Р. Рорти в удачно озаглавленном очерке «Идеализм девятнадцатого и текстуализм двадцатого веков». «В прошлом столетии были философы, доказывающие, что существуют лишь идеи. В нашем столетии есть авторы, пишущие так, как если бы существовали лишь тексты. В число этих авторов, которых я буду называть текстуалистами, входят, например, представители так называемой «Иельской школы», группирующиеся вокруг Гарольда Блума, Джеффри Гартмана, Джона Миллера и Поля де Мана, мыслители французского «постструктурализма» такие, как Жак Деррида и Мишель Фуко, историки, подобные Полю Рабинову... Центром тяжести интеллектуального течения, к кото-

рому относятся эти авторы, является не философия, а литературный критицизм»⁶.

Мировоззренческая особенность текстуализма в том, что в тексте не различается бытие и небытие. Только смысл. Что живой конь, что фантазийный Пегас — неважно. Пегас не существует, но смысл данное понятие имеет. В принципиально значимой для постмодернистского подхода к миру работе Ж. Делёза «Логика смысла» осуществлено снятие определяющей для философии проблемы истины. Она заменяется проблемой места в отношениях, которым задается смысл. Притом, в отличие от структурализма, место не является постоянным. Это «место без места», благодаря чему самые отдаленные, не имеющие ни генетического, ни материального родства элементы связаны, хотя не физически, а динамической согласованностью поведения. Текстуалистский мир детерриториализован. Его смыслы образуются из отсылок знака к знаку. Он в «постоянном становлении». Текстуалистский мир номадичен. Без границ и глубины, функционируя как замкнутая на себя целостность. Главное одно: чтобы знаки были взаимно коррелятивны, всегда находились в состоянии «hang together» (висели вместе) — откликались, отвечали друг другу. *Коммуницировали!*

Несмотря на то, что знаки кроме себя ничего не означают, внутри текста кипит «жизнь», циркулируют имеющиеся и вырабатываются новые знания. Для рассмотрения этого бессистемного, мерцающе-мелькающего мира нужна какая-то другая философия, с неметафизическим категориальным аппаратом, вообще, какое-то особое «алогоцентричное» сознание, или, может тогда не сознание вовсе. Которое разрабатывалось в *пост*структуралистской философии, почему текстуализм можно считать ее другим именем. Если говорить культурологически, это категория постмодерна, где, как известно, центризм, без которого нет системы (его метафора — дерево), отрицается. Текст — развернутая «ризома» (Ж. Делёз), «лабиринт» (У. Эко), «игра складок» (Ж. Деррида). В нем преодолены все «центризмы», в том числе человек, происходит отказ от любой иерархии и устойчивой организации. Если на первых порах, в борьбе структурализма с метафизикой, растворялся автор и оставался читатель, то в *пост*структурализме деконструируется и читатель: «текст сам читает себя». А главное, отрицается последнее представительство человека — лого(с!)центризм. Отрицается, в сущности, Слово, мысль, сознание как выражение любого сущего: природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т.п. Текстуа-

⁶ Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism // Rorty R. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972-1980). Minneapolis, 1991. С. 139.

листская, а сущности, коммуникационная (ее предвидение, гуманитарная форма!) борьба с логоцентризмом — это борьба со словоцентризмом. Через его предварительное перерождение в текст. *Борьба с языком.*

Р. Барт полагал, что наряду с ризомой, метафорой текста можно считать сеть. Сеть в его время представляли в виде чего-то рыбацкого, паутинового или нечто из области транспорта. Довольно далеко от теоретического мышления. Сейчас, когда большинство людей «коммуницирует в интернете», не правильнее ли считать наоборот, что текст, вместе с ризомой, лабиринтом, складкой и т.п. были метафорами. *А реальностью становилась/является Сеть.* По-английски — net, по-старорусски — ловушка. Куда мы все рано или поздно п(р)опадаем. Текстуализм для судьбы языка — это «болезнь к смерти». Он был ее спекулятивным (как подбавляет философскому уровню мысли) предвидением, кустарно-гуманитарным предчувствием (прообразом) нового пост-человеческого, когнитивно-сетевого, пост-языково/смыслового мира.

4. Смерть языка (и) человека: письмо-исчисление

Любые атаки на язык надо признать дилетантскими, если они не считаются с уже случившимся его превращением в текст и «не знают» про более ранние примеры такого рода. Выдающийся советский лингвист Н.Я. Марр еще в первой половине прошлого века, в самый разгар структурно-лингвистической революции высказал идею, что «Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление... имеет смести и заменить полностью язык. *Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике.* Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, связанному с нормами природы»⁷.

После коммуникационного поворота 70-80 гг. XX столетия получили известность, представавшие вызовом одиночки призывы испаноязычного теоретика и практика визуальной культуры Э.Л. Мартинеса, к созданию некоего внесловесного языка: «За тысячелетия цивилизации мы привыкли к этому языку, он дал нам logos и сделал из нас людей. Но новые возможности, которые открывает перед нами техника, делают словесный язык либо недостаточным, либо бесполезным»⁸. Параллельно, проблему «мышления без слов» как

новую судьбу человечества в контексте методологии мышледеятельности осмыслял Г.П. Щедровицкий. К настоящему времени, в эпоху постмодерна проблема преодоления=уничтожения языка, в принципе, решена. И не в плане критики, догадок или отрицательно, а фундаментально, комплексно и позитивно. Не просто толки о каком-то «антиязыке». *Языку найдена замена.* Заслуга гуманитарно-теоретического осознания этого события принадлежит, прежде всего, Ж. Деррида. В рамках своего, органично вытекающего из текстологии учения о грамматологии, он заменил его «письмом», связав смерть языка со смертью человека и рассматривая обе смерти как результат объективного исторического процесса. «Все то, что уже в течение, по крайней мере, двадцати столетий собиралось и наконец, собралось воедино под именем языка (langage), ныне начинает менять свое пристанище и получает имя письма... Письмо переполняет язык и выходит за его рамки»⁹.

Письмо, письменный знак, черта, линия, (грамма — калька с греч., scriptum — лат. или écrire — фр.). По Ж. Деррида(е) оно возникло раньше «слова», тем более текста. «Отказавшись от понимания письма в узком смысле слова — как линейной, фонетической записи, — можно сказать, что всякое общество, способное вырабатывать или, иначе говоря, ступшевывать собственные имена и играть классификационными различиями, уже владеет письмом как таковым... Отказ признать письмом знаки, не являющиеся буквами, — это один и тот же жест. Мы видели его как у Руссо, так и у Соссюра»¹⁰. Мы видим, что в противоположность «жестам» Руссо (символ метафизики) и Соссюра (символ структурализма) у Деррида(ы) (символ постструктурализма) письмо не есть запись звуков, слов или что-то производное от мышления. Оно не воплощение слова-логоса, не обусловлено им; оно не фонетическое, даже *не буквенное.* Уже и не текст. И называется теперь археписьмом (перво-письмом/граммой, прото/пра(о)-граммой, изначальным письмом) — статус, аналогичный древнегреческому «архе». А речь, язык, иероглифы, ручная за-пись/мо звуковых слов, печать, текст — его *разно-видности,* видимые проявления, своего рода вторичные качества. Проявления новой субстанции бытия, материи Нового мира, дверь в который открывается (с) письмом. Которое позволит нам в новом прекрасном безъязык(ов)ом мире, избавиться, наконец, от тяжести своего телесного бытия, от самих себя. «Достоинства устной речи оказались недостаточны для того, чтобы отказаться от искушения —

⁷ См.: Сталин И.В. К некоторым вопросам языкознания. М., 1950. Т. 16. С. 127.

⁸ Мартинес Э. Л. Внесловесный язык. Средства массовой коммуникации и общество // Культуры. Диалог народов мира. UNESCO. 1986. № 2. С. 13.

⁹ Деррида Ж. О грамматологии / Перевод с франц. Н. Автономовой. М.: ad Marginem. 2000. С. 119-120.

¹⁰ Там же. С. 152.

использовать изобретение письма для осуществления лелеемой многими мечты — освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение»¹¹.

Осуществляя эту заветную мечту, философия «снятия» = конца предметной Вселенной (и) человечества, превращения их в феномен и иллюзию, подводит под нее базу, более глубокую, нежели простая замена языка письмом. В ней разрабатывается онтология письма. Которое (теперь) — первопричина всего. Было: огонь, вода, атомы, кварки, знаки, а теперь — письмо. *Мир-письмо*. То, что письмо заменяет огонь и воду, атомы и кварки — понятно. Они — элементы метафизической картины реальности, категории присутствия. Но со знаками Ж. Деррида(е) пришлось (и нам, для понимания сути дела) придется повозиться, ибо это отказ от языка и текста, философских завоеваний XX в., это отказ не только от бытия, но и его Книги. Новый постлингвистический и даже посттекстуалистский поворот? Да! Ибо поглощая присутствие, «лингво-текстуалисты» не ликвидировали его последнее прибежище — знак. Знак — это знак чего-то. Он предполагает означаемое и может нести смысл. Тем самым в нем сохраняется бытие, по крайней мере, интенционально. Современный этап прогресса посылает запрос на нечто новое, до сих пор на Земле небывалое: на отсутствие, в том числе смысла — на письмо и учение о нем — на грамматику. В ней происходит последний, роковой разрыв со всем «человеческим, слишком человеческим». *Разрыв с естественным (телесным, мозговым) человеческим мышлением*. Грамматологический поворот! Если лингвосомиотический, текстуалистский поворот был поворотом от природы, от предметной реальности, то грамматологический — и от «зеркала природы», от Сознания.

В мире письма, в отличие от языка и текста, знаки умирают. От них остаются «постзнаки». Содержанием смерти является превращение знаков в состояние, когда они становятся «пустыми», т.е. ничего не означают, не составляют семиосферы. Теперь это (не)знаки, ~~знаки~~¹², антизнаки. Пустые знаки — элементы ничто, но именно благодаря тому, что перестали быть «носителями мысли, покорной голосу бытия» (М. Хайдеггер), они становятся материалом письма, его «алфавитом». Выражением этого немыслимого в существовавшем до сих пор человеческом языке безбуквенного (не)алфавита

¹¹ Ажеж Клод. Человек говорящий. М., 2003. С. 183.

¹² Введенное постмодернизмом перечеркивание слов есть графическое выражение негативной семантики. Отрицание смысла слова, но такое, которое указывает на его генетическую связь с отрицаемым позитивом. Труп не человек, но не камень или дерево, а человек.

являются: 1) trace и 2) difference. Если по-русски, то: 1) след, черта, рисунок на кальке; 2) примерно, поскольку это авторское изобретение Ж. Деррида(ы) — различие (различание) промежутков, отсрочка, пробел¹³. След-черта и различание-пробел в разных комбинациях и есть искомая азбука письма. Они ничем не обусловлены, нельзя указать того, что за ними стоит. Они *causa sui*, субстанция, только без субстрата, поскольку относятся к области отсутствия, небытия. В позитивной форме данные (не)знаки (черточки и пробелы) определяются как граммы, составляя в совокупности алфавит грамматиологии. Отныне сначала языковое, а потом и любое мышление рассматривается как род писания: *thinking as a kind of writing*.

В учении о грамматиологии Ж. Деррида создал, вернее, осознал или, быть может, гуманитарно с(т) имулировал реально складывавшийся в computer science специфически информационный механизм и способ коммуникации: *алфавит без букв — для мышления без слов*. ~~Алфавит~~ чисел. Его графическим выражением являются, повторяясь в разных комбинациях, цифры 1, 0 (например, 1101000111101), а математическое название — бит. В технической практике это дигитальный процесс обработки данных, посредством которого воспроизводится и передаётся, «коммуницирует» информация, однако уже не через слово и не непосредственно человеком, а машиной. Так возник *компьютерный текстуализм, исчисление*, существующее чаще всего в двоичной системе мира цифровой связи, создаваемого компьютерными технологиями. *Исчисление и когнитивистика, представленные в гуманитарном сознании как «письмо», пришли на смену языку, слову и знаку — лингвистике, а также всему смысловому человеческому мышлению, научному познанию, логике и эпистемологии, которые до сих пор выражались на естественном языке*. Не говоря (не пища?) уже о преодолении (природной эволюции и социальной истории) бытия дотехногенной = «допотопной» эры.

С распространением исчисления наступает великое, драматическое для вещей и тел событие: утрата ими имен, полученных в процессе преобразования предметного мира или «данных Богом» и замена их сначала «никами», паролями, потом цифрами. Потеря имени — потеря идентичности. Себя. «Слова суть слышимые числа нашего бытия» — пророчествовал Велимир Хлебников. Это артикуляция, членение уже без человеческого голоса и рисунков ничто=хаоса на граммы/элементы/биты. Автомат/изм/ — вот обнажен-

¹³ Различие и различание различаются как качественная = феноменологическая и количественная = когнитивная характеристика реальности (для помнящих, или рискующих знать марксизм: как потребительная и меновая стоимости товара).

ное тело письма. Грамматология есть гуманитарная форма «записи» процессов автоматизированного, потом полностью автоматического про-граммирования. Постязык дигитальной онтологии. Автоматическая машинопись (письмо, если на гуманитарном языке) = программирование (если в технике). Выражение «языки программирования» — оксюморон. На самом деле это (не)языки, *языки*, антиязыки. К человеческому языку они, как и вся математика, имеют определенное отношение, но функциональное, такое же, как самолет к птице, или робот к живому человеку. «Конец языка и начало письма», «конец книги и начало компьютера», «конец логоса и начало матезиса», «конец дискурса и начало программирования», «конец слова и начало цифры», «конец чтения и начало исчисления»... и много, много остальных концов нашего предметно-телесного, традиционного мира и начал нового, (за)родившегося в старом, а теперь его «снимающим», у-ничто-жающим трансмодернистском мир-письме иного. Про(сти)щай, язык! Тебя стали третировать в то время, когда надо спасать. Прогрессивно бездумная философия опять попадает пальцем в небо. В повестке дня сознающего мышления должны быть не диверсии, не критика, не затеваемая ею борьба с языком, а разработка способов его защиты. Не только национальных видов, а вообще — человеческого. *Нужна (бы, очень) экология языка.*

5. *Язык со-против-ляется*

Перспектива поглощения языка (и) человека, замена их антиязыком= письмом=исчислением была прописана Деррида(ой) более 40 лет назад. С тех пор заменяющее живое общение людей компьютерное коммуницирование перестало быть гениальным предвидением и число сторонников грамматологии, хотя и без понимания ее смысла, неизмеримо выросло. Пока человечество в целом говорит и пишет на языке, старается сохранить даже его «родные» варианты и все еще, несмотря ни на что (на интернет), издаются книги, на передовых рубежах технаучки борьба со словом и замена его дигитальной коммуникацией приближается к апогею. Путем лингвокомбинаторного моделирования решаются задачи исчисления смыслов, которые могли бы реализовываться на суперкомпьютерах. Информационно-сетевое общество трансформируется в состояние, «естественным» языком которого будет тот самый, искомый философскими «новаторами любой ценой», (не)язык, *язык*, антиязык. Язык Artificial Intelligence (искусственного интеллекта), готовящегося перерасти в Artificial Nature (искусственную природу), в искусственное бытие, для нас — инобытие. И тогда: «Естественно возникает вопрос, а может быть весь окружающий людей мир — это гигантский многомерный

экран? Каким суперкомпьютером этот экран управляется? Получается следующая картина мира: люди со всеми своими инструментами — телескопами, микроскопами, ускорителями и пр. — окружены гигантским многомерным экраном, и всеми инструментами изучают не более чем свойства этого экрана, который управляется внешним суперкомпьютером. Это и есть компьютеризм»¹⁴. Короче говоря, теперь наш Бог Суперкомпьютер и — *there is nothing outside of the bit* (нет ничего кроме бита). Язык как и вся реальность, вместе с человеком — (у)биты!

Если бы люди были быками, иронизировали древнегреческие философы над верующими в мифы соплеменниками, то боги их мира были бы похожи на быков. С тех пор познание достигло не мыслимых древними высот и изощренности. Но все не впрок. Также прямолинейно, не боясь иронии, современные продвинутые теоретики конструируют реальность, похожую на свои занятия, экстраполируя ее на весь мир. Притом от века, *ab ovo*, совершенно забыв об историзме, об аксиологии — никаких сравнений, ценностей и оценок. Если техника сказала «будет», значит надо = хорошо. И всегда только так хорошо и было. Если ее дальнейшее нерегулируемое развитие ведет к трансформации или даже уничтожению человека и его языка, тоже неплохо: да здравствует трансгуманизм. Кому этого мало — читайте теоретиков, обосновывающих необходимость ликвидации жизни на Земле: поприветствуем «поствитализм». Теоретизируют как не (как) субъекты, а просто «пишут», к чему и зачем не задумываясь. А кто против этого «прекрасного нового мира», те архаики, консерваторы, традиционалисты. Гуманисты. Живой язык и люди.

Справедливости ради, надо сказать (пока языком), что некоторые «трансгрессивные» авторы задумываются о результатах влияния пост-языковой среды на человека. Чутко следящий за техническими достижениями российско-американский фило(соф)лог М. Эпштейн пред-вкушает время, когда «то, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках, в электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские «демоны глухие», будут вести беседу между собой. Нет ли прямой теоретической связи между грамматологией, исходящей из отсутствия человека в письме и футурологией самодействующих компьютерных программ? Грамматология, помноженная на мощь электронных и нанотехнологий, представляет человека как исчезающий субъект в грядущем мире машин письма»¹⁵. Вот перспектива,

¹⁴ Игнатьев М.Б. Кибернетическая картина мира. СПб., 2010. С. 183.

¹⁵ Эпштейн М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма // Философские науки. 2008. № 8. С. 143.

если сущее приравнять к должному, лишая человека минимальной возможности влияния на происходящее, не говоря о выборе и «свободе» (кавычки потому, что передовые технонаучные «мыслители» исповедует абсолютный фатализм и от идеалов свободы отреклись категорически: «прогресс не остановишь»; вспоминать о н(их)ей неприлично — удел реакционеров; технобесы рготив мракобесов).

Исходя из закона неразрывной связи организма и среды, вместо человека можно предвидеть возникновение неких искусственных тех(су)ществ, живущих в мире, где «для общения» общение больше не нужно. Не нужна и коммуникация. Потому что она будет происходить без опосредования, «от мозга к мозгу», путем сканирования мыслей друг друга одним прикосновением чипа к нейронным сетям и всё, потеряв индивидуальность, сольется в некий мыслящий океан, в духе описанного Ст. Лемом в «Сталкере» или превратится в элементы WWG — единой Мировой решетки (матрицы), работа над которой ведется на переднем крае технуки, в частности, в процессе совершенствования Адронного коллайдера. И/или «глухие демоны», т.е. самоуправляемые компьютерные программы будут беседовать друг с другом вообще «без мозгов». О чем, правда? Может о том, что столь восхваляемое в постмодернизме различие/различание по закону двойного отрицания в свою очередь сним(а)ется принципом тождества (единства), только уже иного, «слипшегося» в точку постчеловеческого мира. А лучше бы, продолжают мечтать совсем последовательные «киммортологи» — *поствитального* («кибернетическое бессмертие»). И философы трансгресса, его рефлекса, но не рефлексии, предав различие, опять будут воспевать тождество, радуясь, что безлюдно-бессмысловому безжизненному миру больше ничего не нужно, даже коммуникации. Но пока это вожделенное инновационное состояние не достигнуто, обремененные проклятьем собственного антропологизма некоторые из них пытаются что-то сохранить от человека. Не чуждый подобных пережитков вышеупомянутый автор предлагает интерпретировать грамматику как скрипторику, предмет которой «не столько биографический, эмпирический субъект, скрипящий пером или стучащий по клавишам, сколько те формы сверхсубъективности, транссубъективности, которые возникают в процессе письма и объемлют все его суверенные территории»¹⁶.

Как видим, в утешение человеку, которому, в связи с экспансией электронно-компьютерного мир-письма не остается места и он предстает исторически преходящим посредником между отмирающим языком и наступа-

ющей матрицей, постулируется какой-то более адекватный данной ситуации сверхэмпирический «транс-субъект». В сущности, концепт. Бродящий(ая) по сетям персона-ж. Вместо традиционного Homo sapiens — *Homo scriptor*. Естественно, без языка, без имени, не создает, но все время пишет. Само-программирует-ся. *В тишине*. Для человека — гробовая тишина. Он без жизни, идентичности, мультивид (о личности речи не идет, это традиционалистская архаика) и — обладает голографическим бессмертием, которое больше не утопия. Потому что «нече(ко)му» умирать. Ни тела, ни субъектности. Можно ли в таком качестве считать его Гомо? Это скорее, ~~гомо~~, транс-гомо, пропагандируемый в идеологии трансгу(о)анизма, обещающей в России, в частности, создать его к 2045 г. Те же похороны человека, тоже «через бессмертие», но в контексте лингвистики, посредством эвтаназии в калькированном с последних технических достижений (рефлекс без рефлексии), теоретическом облачении.

* * *

Гёте говорил: «Там, где кончается слово, начинается музыка». Увы, теперь после слов и логоса начинается матезис, программирование, молчаливая (не)коммуникация... Сообщаются последние технонаучные нов(рад)ости об успешных экспериментах: «прямое чтение мыслей; от мозга (чипа) к чипу (мозгу); кибернетическое бессмертие и т.п.». И мы не будем знать, когда нас не будет. Не услышим. Некому сказать. Нет слов.

Люди! Так не лучше ли, все-таки, умереть достойно, по философски, не обманывая себя, отдавая отчет, как привело нас к этому вырвавшееся из-под контроля нерегулируемое научно-техническое развитие. Давайте уйдем мужественно, в памяти опыта и с пониманием амбивалентности результатов своей без(д)умной веры в прогресс. В сознании, хотя бы в лице философии. В истории человечества было много великих смертей, начиная с Сократа и Христа, но в ситуации его родовой смерти стоит вспомнить артефакт Гамлета, его последние, обращенные к Горацио, слова: «Так ты ему (новому наследнику трона), скажи и всех событий открой причину. Дальше — тишина» (Умирает)¹⁷. «По-философски» — это не в состоянии эвтаназии.

Еще более по философски, пока Печальное Событие не произошло, думать и заботиться, при каких условиях, какие предпринять действия, чтобы оно вообще не происходило. Как можно дольше! Не торопиться к рукотворному концу света, антропологическому апокалипсису, не камуфлировать без(д)умно учеными

¹⁶ Там же. С. 144.

¹⁷ Шекспир Вильям. Трагедия о Гамлете, Принце Датском / перевод М. Лозинского. М.-Л.: Academia, 1935. С. 413.

словами свое «комфорт(абель)ное самоубийство», что оскорбительно для существ, веками считавших себя разумными. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни и не радуемся ей, хотя она тоже предопределена. Сохранить Homo genus-vitae-sapiens можно, если сохранится среда, необходимая для его жизни как целостного телесно-духовного существа = Lebenswelt, включая естественный язык как выразителя собственно человеческого, о-со-знающего (не редуцированного к интеллекту) мышления. Его/их право на бытие и надо защищать, опираясь на идеи полионтизма и коэволюции,

допускающие, в отличие от фаталистического универсального эволюционизма, вечное существование *нашей реализации* возможных миров. А если, в конце концов, наступит конец, чтобы не по собственной вине. Задача времени: *будить Людей, культивировать Язык жизни, поднимать Голос, говорить Слово(а) и не бояться философии Крика*, призывающего к спасению человека, в надежде, что Кто-то нас услышит.

Философия сопротивления. Противостояния. А лучше вместе: СО-противо-Стояния.

Так продлимся...

Список литературы:

1. Ажеж Клод. Человек говорящий. М., 2003.
2. Блох М.Я. Язык и мир // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4.
3. Деррида Ж. О грамматологии / Перевод с франц. Н. Автономовой. М.: ad Marginem, 2000.
4. Игнат'ев М.Б. Кибернетическая картина мира. СПб., 2010.
5. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2.
6. Мартинес Э.Л. Внесловесный язык. Средства массовой коммуникации и общество // Культуры. Диалог народов мира. UNESCO. 1986. № 2.
7. Нилогов А.С. Философия — это сплошной ressentiment // Кто сегодня делает философию в России. М., 2007.
8. Сталин И.В. К некоторым вопросам языкознания. М., 1950. Т. 16.
9. Шекспир Вильям. Трагедия о Гамлете, Принце Датском / перевод М. Лозинского. М.-Л.: Academia, 1935.
10. Эпштейн М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма // Философские науки. 2008. № 8.
11. Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism // Rorty R. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972-1980). Minneapolis, 1991.

References (transliteration):

1. Azhezh Klod. Chelovek govoryashchiy. M., 2003.
2. Blokh M.Ya. Yazyk i mir // Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. 2011. № 4.
12. Derrida Zh. O grammatologii / Perevod s frants. N. Avtonomovoy. M.: ad Marginem, 2000.
13. Ignat'ev M.B. Kiberneticheskaya kartina mira. SPb., 2010.
14. Kutyrrev V.A. Krik o nebytii // Voprosy filosofii. 2007. № 2.
15. Martines E.L. Vneslovesnyy yazyk. Sredstva massovoy kommunikatsii i obshchestvo // Kul'tury. Dialog narodov mira. UNESKO. 1986. № 2.
16. Nilogov A.S. Filosofiya — eto sploshnoy ressentiment. // Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. M., 2007.
17. Stalin I.V. K nekotorym voprosam yazykoznaniya. M., 1950. T. 16.
18. Shekspir Vil'yam. Tragediya o Gamlete, Printse Datskom / perevod M. Lozinskogo. M.-L.: Academia, 1935.
19. Epshteyn M. Homo scriptor: Vvedenie v skriptoriku kak antropologiyu i personologiyu pis'ma // Filosofskie nauki. 2008. № 8.
20. Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism // Rorty R. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972-1980). Minneapolis, 1991.